

Всю первую половину дня Ши Цзэ безуспешно высматривал Е Цэ. Он даже спросил у Су Цзинхэ, но тот лишь равнодушно пожал плечами и отмахнулся: мол, понятия не имеет. По его безучастному виду было ясно — к подобным исчезновениям одноклассника он давно привык.

Глядя на то, как отчаянно Ши Цзэ пытается отыскать прогульщика, Су Цзинхэ не удержался от подколки:

— Малыш, и чего ты о нем постоянно думаешь? Впервые вижу, чтобы кто-то так за него переживал.

Пальцы Ши Цзэ непроизвольно смяли уголок открытой тетради. Смутившись, он тихо произнес:

— Да просто... мы же учимся. Если он продолжит так прогуливать, это пустит под откос его будущее.

Услышав это, Су Цзинхэ прыснул со смеху:

— Сразу видно примерного ученика! Что, решил наставить нашего хулигана на путь истинный?

С этими словами Су Цзинхэ развернулся на стуле и, опершись локтями о парту соседа, заговорщически улыбнулся. В его глазах все еще плясали смешинки.

— Послушай, мелкий, скажу тебе как есть. Е Цэ может вообще не открывать учебники, его будущее и без того предопределено. Приложит хоть каплю усилий — добьется и славы, и богатства. А если решит палец о палец не ударить, то все равно до конца дней будет купаться в роскоши, ни в чем себе не отказывая.

Ши Цзэ смотрел на шутливого собеседника, пряча за натянутой улыбкой глухую тоску.

В этом мире лишь он один знал страшную правду: никакого безбедного будущего у Е Цэ не будет. Ровно через восемь лет, в серый дождливый день, его жизнь оборвет тщательно спланированная автокатастрофа. А на похоронах Е Сюань как ни в чем не бывало приберет к рукам компанию, которую сын годами поднимал из руин втайне от семьи. Отец будет держать себя настолько холодно и безучастно, словно в урне для праха покоился абсолютно чужой человек, а не его собственный сын.

Заметив, как поник парень, Су Цзинхэ тут же поспешил его утешить:

— Эй, ну ты чего раскис? Е Цэ — вольная птица, гуляет сам по себе. Нагуляется — сам придет.

— Угу, — тихо кивнул Ши Цзэ.

Отвернувшись обратно к своей парте, Су Цзинхэ устыдился. Шутка показалась ему глупой и жестокой. Почувствовав укол совести, он достал телефон, зашел в WeChat и настроил сообщение заядлому прогульщику.

Чуньхэ Цзинмин

Бродяга, ты когда соизволишь явиться? Твой ненаглядный совсем поник, все утро тебя разыскивает.

Е Цэ, растянувшийся на школьной крыше, скользнул взглядом по экрану. Перед глазами тут же возник образ Ши Цзэ. Раздраженно выдохнув, он отшвырнул телефон в сторону.

Приходилось признать: с появлением этого парня его привычный покой полетел к чертям. Ши Цзэ ворвался в его жизнь невесомым перышком, коснувшись застывшей озерной глади, и теперь по воде расходились нескончаемые круги. Е Цэ ума не мог приложить, как себя с ним вести.

Стоило вспомнить утренний разговор, когда он велел Ши Цзэ держаться от него подальше, перед глазами вставали покрасневшие глаза и поникшие плечи парня. В груди противно щемило — это чувство мешало дышать, но исправить ничего было нельзя. Именно поэтому он все утро прятался на крыше, попросту боясь столкнуться с ним в классе.

Из плена невеселых мыслей его вырвал резкий звонок телефона, оставленного на бетонных плитах.

— Су Цзинхэ, ради твоего же блага надеюсь, что у тебя что-то срочное, — хмуро буркнул в трубку Е Цэ.

— Проблемы твоего ненаглядного сойдут за срочное?

— Выбирай выражения. Он не мой, — отчеканил Е Цэ. Сердце предательски пропустило удар, но голос остался холодным и равнодушным.

— Да-да, оправдывайся сколько влезет. Я просто хотел сказать, что твой ненаглядный все утро бегал за мной хвостиком и расспрашивал о тебе. Ты и вторую половину дня собираешься прогулять? — поинтересовался Су Цзинхэ.

Е Цэ отвел взгляд.

— Не приду. Если Старина Линь хватится, скажи, что у меня жар.

— Эту отмазку я уже утром использовал, — вздохнул друг.

— Тогда скажи, что я при смерти в реанимации валяюсь, — лениво бросил Е Цэ. — Всё, если больше ничего нет, я вешаю трубку.

Не дожидаясь ответа, он прервал вызов.

Су Цзинхэ уставился на погасший экран в полном недоумении:

— Да ладно? Ты серьезно бросил трубку? Охренеть можно!

Ши Цзэ был уверен, что после обеда парень тоже не объявится. Но переступив порог класса и увидев знакомую макушку — Е Цэ сидел за партой, лениво листая что-то в телефоне, — он облегченно выдохнул. Настроение мгновенно улучшилось, и он поспешил к своему месту.

Стоило Ши Цзэ подойти ближе, как расслабленные плечи Е Цэ на долю секунды напряглись, хотя внешне он продолжал сохранять максимально безразличный вид.

— Ты все-таки пришел? — тихо спросил Ши Цзэ.

Е Цэ даже головы не поднял, сухо бросив короткое:

— Угу.

— Я... я записал все лекции, которые читали утром. Хочешь, поделюсь конспектом?

— Без надобности.

Он продолжал бездумно скроллить ленту новостей. В этот момент Е Цэ был искренне благодарен создателям смартфонов за отличную возможность сделать вид, будто он чертовски занят. Без этой ширмы он бы точно сгорел от неловкости.

— Е Цэ...

Услышав свое имя, Е Цэ поднял взгляд и тут же наткнулся на руку Ши Цзэ, тянущуюся к его лицу. Рефлексы сработали быстрее разума: он резко отшатнулся вместе со стулом. Ножки с противным, режущим уши визгом проехали по полу.

Весь класс как один повернулся на шум. Перед любопытными взглядами одноклассников предстала странная картина: застывший в нелепой позе Ши Цзэ с протянутой рукой и испуганно отпрянувший назад Е Цэ.

"Ого, неужели сейчас махач будет?" — пронеслась в головах ребят общая мысль.

Ши Цзэ, заметив выражение лица соседа, медленно опустил зависшую в воздухе руку и положил ее на свою парту.

— Извини, — едва слышно прошептал он.

Вид поникшего и виноватого Ши Цзэ вызвал у Е Цэ лишь новую волну глухого раздражения на самого себя.

— Проехали, — буркнул он.

Резко поднявшись с места, Е Цэ окинул класс тяжелым, предостерегающим взглядом. Стоило ему прищуриться, как притихшие зеваки мгновенно отвернулись к своим доскам и тетрадям, делая вид, будто их безумно увлекает учеба.

Схватив телефон, он быстрым шагом вышел из кабинета. Ши Цзэ проводил его растерянным взглядом. Губы его дрогнули, но окликнуть упряма он так и не решился.

"Неужели он действительно любил меня?"

В душу Ши Цзэ начали закрадываться горькие сомнения.

В прошлой жизни Е Цэ любил его долгих восемь лет. Любил молча, преданно охраняя его покой из тени и не требуя ничего взамен. В этой жизни, получив шанс всё исправить, Ши Цзэ первым сделал шаг навстречу. Но парень раз за разом упорно отталкивал его. Быть может, сейчас Е Цэ к нему абсолютно равнодушен? Но если так... ради чего тогда он переродился, сохранив в сердце все эти чувства и воспоминания?

Пальцы Ши Цзэ судорожно сжали подол тонкой рубашки. Он низко опустил голову, борясь с подступающими к глазам слезами.

Тем временем Е Цэ, ловко перемахнув через школьный забор, услышал требовательную трель звонка. Скользнув взглядом по экрану, он раздраженно рявкнул:

— Чего тебе?

— Ты опять довел нашего примерного мальчика? — раздался в трубке ехидный голос Су Цзинхэ.

— Ничего я не делал, — буркнул Е Цэ, глубже запихивая руки в карманы брюк.

— Ага, рассказывай. У него глаза на мокром месте, сидит бледный как смерть. Пожалуй, мне как хорошему другу и соседу спереди стоит проявить каплю сочувствия и утешить беднягу.

Договорив, Су Цзинхэ сразу же сбросил вызов, не дав собеседнику вставить ни слова.

Е Цэ застыл посреди тротуара как вкопанный. Спустя секунду тишину улицы нарушило отборное ругательство.

Разъяренный до предела, он развернулся и бросился обратно к забору. Перемахнув через ограду во второй раз за день, Е Цэ во весь опор помчался к учебному корпусу. Когда он добежал до нужного кабинета, первый урок был уже в самом разгаре. К счастью, его парта стояла в самом конце у двери. Дождавшись, пока учитель истории отвернется к доске, парень бесшумной тенью скользнул внутрь и опустился на свое место.

Ши Цзэ лишь мельком взглянул на запыхавшегося соседа и продолжил писать, не проронив ни слова. На его лице не было и следа тех слез, о которых заливал Су Цзинхэ. Е Цэ мгновенно все понял: этот паршивец его нагло развел.

Преисполненный жажды мести, Е Цэ с силой пнул ножку стула Су Цзинхэ. Мебель с громким скрипом пошатнулась. Наглец обернулся и, встретившись взглядом с разъяренным другом, расплылся в довольной ухмылке:

— О, какие люди! А говорил, что до конца дня в реанимации проваляешься.

Скрестив руки на груди, Е Цэ одарил шутника ледяным, полным презрения взглядом и процедил сквозь зубы лаконичное:

— Отвали.

Су Цзинхэ послушно отвернулся, больше не донимая товарища расспросами.

Оставшись наедине со своими мыслями, Е Цэ искоса, со смесью вины и неловкости поглядел на соседа. Он взъерошил волосы на затылке, отчаянно пытаясь подобрать хоть какие-то слова, но язык словно прирос к гортани.

— Ши Цзэ... — наконец тихо позвал он.

Рука парня, выводившая аккуратные иероглифы, замерла. Он не поднял головы и ничего не ответил.

Уловив эту внезапную стену отчуждения, Е Цэ осторожно спросил:

— Ты... обиделся на меня?

— Нет, — ровным, лишенным прежней мягкости голосом ответил Ши Цзэ.

Е Цэ не понимал, почему тот так резко замкнулся в себе, но все же попытался оправдаться:

— Я просто... проветриться выходил. Не собирался я прогуливать.

Ши Цзэ повернул голову и внимательно посмотрел на него. В этот момент до него дошло: он совершил ошибку с самого начала. Он пришел сюда, неся в душе груз воспоминаний о том, каким преданным был Е Цэ через восемь лет, и решил окружить его безусловной заботой. Но для нынешнего Е Цэ он был всего лишь новым одноклассником, знакомым от силы пару недель. По какому праву он пытается воспитывать его и контролировать его жизнь? Какая глупая, самонадеянная гордыня.

— Забудь. Это твое личное дело, меня оно не касается, — отстраненно произнес Ши Цзэ.

От этих холодных слов у Е Цэ болезненно екнуло сердце. Воцарилось долгое, гнетущее молчание. Наконец он не выдержал и негромко попросил:

— Ну не злись. Пожалуйста.

— Я не злюсь. Слушай урок, — отрезал Ши Цзэ и вновь уставился на исписанную мелом доску.

Как только прозвенел звонок с урока, Е Цэ пулей вылетел из кабинета. Ши Цзэ лишь устало проводил его взглядом и снова погрузился в решение задач.

На душе было скверно и пусто. Кажется, теперь он впервые по-настоящему понял, что чувствовал Е Цэ в те долгие годы безответной любви. Когда любишь до безумия, но боишься сделать лишний шаг. Когда безумно хочешь стать ближе, но сомневаешься, нужен ли ты вообще человеку.

Ши Цзэ пришел в себя только тогда, когда на тетрадном листе расплылась уродливая клякса от слишком сильно прижатой ручки.

Он действительно зашел в тупик.

Ши Цзэ думал, что упрямец окончательно сбежал домой, но со звоном на второй урок тот снова уселся за парту. На этот раз в его руках был пластиковый стаканчик с молочным чаем.

Ши Цзэ кожей чувствовал на себе напряженный взгляд соседа. Тот явно хотел заговорить, но

никак не решался нарушить молчание. Так продолжалось почти до середины урока. Когда от монотонного голоса учителя у Ши Цзэ начали слипаться глаза, кто-то осторожно толкнул его локтем. Повернув голову, он увидел, как через невидимую границу между их половинами парты к нему медленно продвигается стаканчик с прохладным чаем.

— Вот... На улице сегодня жарко, держи.

Произнося это, Е Цэ так и не решился поднять глаза и посмотреть на соседа.

<http://bllate.org/book/20657/2122934>